

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ (ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ, ПРОПАГАНДА) КАК УГРОЗА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ: ПОДХОДЫ НА УРОВНЕ ЕВРОСОЮЗА И ЛИТВЫ КАК ЕГО ЧЛЕНА

Т. А. Романова
Н. И. Соколов
Ю. Ю. Колотаев

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 22.04.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4
© Романова Т. А., Соколов Н. И.,
Колотаев Ю. Ю., 2020

На основе анализа документов Европейского союза и Литвы по противодействию дезинформации / фейковым новостям представлен плюрализм подходов ЕС к обеспечению своей стрессоустойчивости к данной угрозе. Исследование показало, что в ЕС существуют три подхода. Первый, которым руководствуется Европейская комиссия, — признание права граждан на информацию, повышение их критического мышления и информационной грамотности. Он соответствует адаптивной парадигме действий в информационном пространстве и аутопозитивной стрессоустойчивости. Второй, воплощаемый Европейской службой по внешним связям, заключается в опровержении отдельных новостей, в создании негативной репутации некоторых СМИ. Он сочетает в себе адаптивную и патерналистскую парадигмы действий в информационном пространстве, а также более статическое прочтение стрессоустойчивости. Литва демонстрирует третий подход, где доминирует патерналистская парадигма и гомеостатичная стрессоустойчивость. Суть этого подхода состоит в изоляции граждан от определенной информации путем активных действий государства. Таким образом, популярное использование термина «стрессоустойчивость» в ЕС маскирует плюрализм подходов и к угрозе дезинформации, и к стрессоустойчивости. В качестве теоретической основы использованы концепции стрессоустойчивости, а также парадигмы работы с дезинформацией / фейковыми новостями. Методологическая основа статьи — критический дискурс-анализ. В статье также предложены некоторые причины расхождений в ЕС в борьбе с дезинформацией / фейковыми новостями / пропагандой и в трактовке стрессоустойчивости.

Ключевые слова:

Европейский союз, Литва, стрессоустойчивость, фейковые новости, пропаганда, дезинформация

Феномен «фейковые новости» (ФН) приобрел актуальность в связи с британским референдумом по выходу из Европейского союза и выборами президента США в 2016 году; Россию обвиняют в информационном вмешательстве в эти

Для цитирования: Романова Т. А., Соколов Н. И., Колотаев Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 53–67. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4.

процессы. В этом контексте (и с учетом других изменений в мире) в 2016 году ЕС разработал Глобальную стратегию (ГСЕС), центральный компонент которой — категория «стрессоустойчивость» (resilience). Одной из угроз для нее в ГСЕС указана дезинформация, хотя чаще используется термин ФН. ЕС не сразу пришел к единому пониманию этого феномена, а общий подход к достижению стрессоустойчивости в данной плоскости у него пока отсутствует.

Цель статьи — выявить плюрализм подходов к обеспечению стрессоустойчивости в отношении дезинформации (ФН, пропаганда) в документах ЕС и Литвы как его страны-члена. Анализ используемой терминологии и документов, регулирующих политику ЕС и Литвы, позволяет выделить три подхода. Они отличаются по взаимодействию государства и общества и по тому, как они соотносятся с теоретическими концепциями стрессоустойчивости. Объект настоящего исследования — ЕС (на наднациональном уровне) и Литва, а предмет — их дискурс о противодействии дезинформации / ФН / пропаганде в контексте укрепления стрессоустойчивости.

Выбор Литвы обусловлен ее активной внешнеполитической деятельностью (особенно в отношении России) и стремлением к лидерству в Балтийском регионе. Для достижения цели ставятся следующие задачи: 1) определить подходы к дезинформации и их связь с концепцией стрессоустойчивости; 2) продемонстрировать плюрализм определения дезинформации (ФН, пропаганды) на уровне ЕС и в Литве; 3) выявить подходы к повышению стрессоустойчивости ЕС и Литвы в отношении дезинформации (ФН, пропаганды); 4) обобщить сходства и различия в данной области между ЕС и Литвой.

Теоретической основой исследования выступили академические концепции стрессоустойчивости. Несмотря на то что ее единое понимание отсутствует, ряд базовых характеристик разделяет большинство исследователей [1]. Кроме того, в качестве теоретической основы статьи выступили две парадигмы работы с дезинформацией (патерналистская и адаптивная). Методологической основой стал дискурс-анализ [2—4].

Корпус исследуемого материала составляют ГСЕС¹, Сообщение по стрессоустойчивости², доклады, подготовленные для ЕС [5; 6], а также документы Литовской Республики (Белая книга политики обороны Литвы³, Стратегия национальной безопасности⁴, доклады Департамента госбезопасности⁵). В исследование также включены высказывания официальных лиц.

В статье дана общая характеристика парадигм противодействия дезинформации (ФН) и прослежена их связь с академическими концепциями стрессоустойчивости, а

¹ *Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy.* URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

² *Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to Resilience: Learning from food security crises.* 2012. URL: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2012_586_resilience_en.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

³ *Krašto apsaugos ministerija. Lietuvos gynybos politikos Baltoji knyga.* URL: https://kam.lt/lt/gynybos_politika_490/aktualus_dokumentai_492/strateginiai_dokumentai_494.html (дата обращения: 03.08.2019).

⁴ *Lietuvos Respublikos Seimas, Nacionalinio saugumo strategija.* URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2627131DA3D2/LLwfQepmnd> (дата обращения: 03.08.2019).

⁵ *Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2017/03/2016-grėsmių-vertinimas.pdf> (дата обращения: 11.09.2018); *Bendras VSD ir AOTD 2018 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2018/03/LTU.pdf> (дата обращения: 12.09.2018); *Bendras VSD ir AOTD 2019 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2019/02/2019-Gresmes-internetui-LT.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).

также обсуждается концепция стрессоустойчивости ЕС. Представлены подходы Европейской комиссии (ЕК), Европейской службы по внешним связям (ЕСВС) и Литвы к решению проблемы дезинформации, проводится сравнение трех подходов и отмечаются причины плюрализма действий, маскируемых концепцией стрессоустойчивости.

Парадигмы работы с проблемой дезинформации (фейковых новостей) и стрессоустойчивость

В современной литературе сложились две парадигмы противодействия дезинформации / ФН — «патерналистская» и «адаптивная». Их можно представить находящимися на противоположных сторонах континуума, где одна крайность — общественная свобода, а другая — общественная безопасность.

Патерналистская парадигма подразумевает «вмешательство в личные свободы человека посредством действий, обоснованных причинами, соотносимыми с благосостоянием... интересами или ценностями данного человека» [7, р. 65]. Ради защиты общества от негативного воздействия дезинформации / ФН приемлемыми считаются любые ограничения, включая блокировку некоторых источников или деформацию общественного дискурса посредством контрпропаганды [8]. Государственное вмешательство через ограничения и запреты — проявление патернализма [9]. При этом патернализм не ограничивается государственными акторами, он может проявляться и на уровне корпораций [10] или наднациональных акторов.

Свобода слова привела к альтернативной, адаптивной, парадигме. Она делает приоритетом качественные преобразования граждан для повышения устойчивости общества к дезинформации (ФН) без использования мер, «которые могут поставить свободу слова под удар» [11, р. 42]. Это проявляется в повышении общественной медиаграмотности [12] и в проверке достоверности информации [13], в перераспределении ответственности за качество информации к источникам ее распространения [14] и выработке механизмов саморегуляции общества [15].

Генеалогию термина «стрессоустойчивость» эксперты прослеживают вплоть до Средних веков, прежде всего в инженерной сфере и физике [16, р. 19—35; 17], однако современное его использование начинается в 1970-е годы. Именно тогда К. Хоулинг определил ее как «меру устойчивости систем, а также их способность абсорбировать изменения и раздражения и поддерживать такое же соотношение популяций или переменных [их] состояния» [18, р. 14]. Это определение разделяют все авторы, разрабатывавшие концепцию стрессоустойчивости в социальных науках [1]. В социальную сферу стрессоустойчивость приходит в 1990-е годы. Во-первых, сказалась неспособность предотвратить некоторые угрозы (в том числе дезинформацию), невозможность изолировать общество от них. Во-вторых, доминирование нелиберального подхода позволило государству перекладывать часть ответственности на общество, в частности в обеспечении безопасности (см., например, [1; 19]).

Однако сегодня существуют серьезные различия в трактовке стрессоустойчивости. Две обозначенные нами парадигмы работы с дезинформацией / ФН отлично это иллюстрируют. Патерналистская соответствует стрессоустойчивости как поддержанию / возврату в исходное состояние (bouncing back), то есть гомеостатичности [1, р. 5—6]. Корни этого видения — в точных науках. Лидирующая роль тут принадлежит органам власти, а общество остается ведомым. Адаптивная же парадигма соотносится с аутопозитивным пониманием стрессоустойчивости как развития с достижением равновесия в новой точке (bounce forward) [1, р. 6—7]. Значительная часть функций тут перекладывается на граждан, а государство лишь определяет контуры низовых практик.

В ЕС термин «стрессоустойчивость» принимался постепенно. Впервые эту категорию проработала ЕК в 2012 году.⁶ Однако базовой для внешней деятельности стрессоустойчивость стала в результате принятия ГСЕС в 2016 году. Координатор работы по подготовке ГСЕС Натали Точки объясняет появление «стрессоустойчивости» нелинейным подходом к угрозам современности, неспособностью государств не только предотвратить, но и порой спрогнозировать их [20, р. 88]. К этим вызовам ЕС относит и дезинформацию / ФН.

Таким образом, для внедрения концепции стрессоустойчивости в ЕС используется обоснование, разработанное в социальных науках. Неолиберальная природа ЕС также способствует внедрению (аутопоэзисной) стрессоустойчивости. Однако в документах и самого ЕС, и его членов существуют различия в трактовке того, как обеспечивать стрессоустойчивость к дезинформации. Именно к этим различиям мы и обратимся.

ЕС и Литва: в поисках определений дезинформации

Триггером борьбы с дезинформацией / ФН в ЕС стали украинские события 2014 года. Однако определения дезинформации / ФН появляются лишь в 2018 году в докладе ЕК о цифровой трансформации. ФН было предложено определить как 1) ложную информацию и 2) преднамеренные попытки исказить новости, использовать фильтрованные версии для продвижения идеологий, путаницы, недовольства и создания поляризации [5, р. 11]. Авторы доклада особо указывали на обеспокоенность граждан попытками России повлиять на выборы [5].

Доклад «Многомерный подход к дезинформации», подготовленный в 2018 году по заказу ЕК, отказывается от термина «ФН», поскольку он «не адекватен для решения сложной проблемы дезинформации» и отдает предпочтение термину «дезинформация», определяемому как «ложная, неточная или неверная информация, разработанная, представленная и продвигаемая, чтобы сознательно причинить общественный вред или получить прибыль» [6, р. 10].

В то же время Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (Стратком), созданная ЕСВС, использует и термин «ФН», и термин «дезинформация». Миссия Страткома формулируется как борьба с *российскими* кампаниями дезинформации и ФН⁷. При этом понятие «ФН» содержится прежде всего в разделе «Новости и анализ», где публикуются и сообщения внешних организаций, но исключительно в связи с Россией⁸. Сам Стратком теперь отдает предпочтение термину «дезинформация», что сближает его позицию с линией ЕК. Однако первоначальной установкой для создания Страткома была борьба именно с ФН.

Выбор термина важен: при использовании понятия «ФН» игнорируется возможность ошибки, а термин «дезинформация» — более широкий и нейтральный.

Литва, говоря о России, предпочитает использовать термин «пропаганда»⁹. В отчете Департамента государственной безопасности (ДГБ) 2017 года «дезинформация» упоминается 2, а «пропаганда» — 15 раз. При этом термин включает не только распространение новостей, но и, например, встречи международного клу-

⁶ European Commission. The EU Approach to Resilience: Learning from food security crises. URL: <https://www.preventionweb.net/english/professional/policies/v.php?id=28852> (дата обращения: 03.08.2019).

⁷ European Union External Action Service. Don't be deceived: EU acts against fake news and disinformation. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/32408/dont-be-deceived-eu-acts-against-fake-news-and-disinformation_en (дата обращения: 03.08.2019).

⁸ EU vs Disinfo. News and analysis. EU vs. Disinfo. URL: <https://euvsdisinfo.eu/news/> (дата обращения: 03.08.2019).

⁹ Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniams saugumui vertinimas.

ба журналистики «Format A3», где выступают российские эксперты¹⁰. Интересно, что ЕК использует термин «пропаганда» лишь в контексте радикализации терроризма¹¹, также акцентируя необходимость предотвратить распространение соответствующего контента. Негативная коннотация «пропаганды» исключает не только возможность ошибки, но и право на соответствующую точку зрения. Аспект предостережения читается и в вокабулярии Литвы.

Употребление терминов, столь разных по своей коннотации, указывает на различие дискурсов на уровнях ЕС и Литвы. Это позволяет наметить три подхода к угрозам в сфере информации. ЕК склоняется к термину «дезинформация», подразумевающему открытость и право на ошибку. Подход ЕСВС основан на выявлении ФН. Наконец, Литва обозначает свое видение как опасность пропаганды. Эти три понимания угрозы стрессоустойчивости определяют и подходы к ней. Рассмотрим их подробнее.

Подход Евросоюза № 1.

Дезинформация и гражданская ответственность

В апреле 2017 года вице-президент ЕК А. Ансип заявил: «Мы четко осознаем необходимость защищать свободу слова и доверять здравому смыслу граждан. <...> Ключевая задача — увеличить возможности ЕС... отвечать на дезинформацию внешних сторон»¹². В этом высказывании рельефно выделяется акцент на свободе слова и на существовании внешней угрозы. Далее Ансип отметил два столпа стратегии ЕС: медиа-грамотность граждан и журналистскую этику, подчеркнув, что «фейковые новости — это плохо, но Министерство правды — еще хуже»¹³. Иными словами, предпочтение отдано развитию способности общества к жизни в условиях возможной дезинформации.

Дальнейшие документы подтверждают, что подход ЕК соответствует адаптивной парадигме. Сообщение по стрессоустойчивости 2017 года указывает: «Стрессоустойчивость граждан к враждебной дезинформации будет... развиваться путем повышения их осведомленности, поддержки плюрализма и профессионализма в СМИ»¹⁴. Сообщение 2018 года по дезинформации¹⁵ подтверждает приверженность адаптивной парадигме.

Таким образом, ЕК постулирует намерение прежде всего обучать граждан и сохранять многообразие точек зрения. Гражданское общество и СМИ полностью включены в процесс. Граждан призывают привлекать внимание к дезинформации через специально созданные структуры (например, StopFake.org, hoaxmap.org).

¹⁰ *Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.*

¹¹ См., например, *European Commission — Press release. State of the Union 2018: Commission proposes new rules to get terrorist content off the web. 2018 // European Union. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-5561_en.htm (дата обращения: 03.08.2019).*

¹² *Statement by Vice-President Ansip at the European Parliament, Strasbourg in the plenary debate: „Hate speech, populism and fake news on social media — towards an EU response“.* Strasbourg, 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/ansip/announcements/statement-vice-president-ansip-european-parliament-strasbourg-plenary-debate-hate-speech-populism_en (дата обращения: 03.08.2019).

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *European Commission. Joint communication to the European Union Parliament and the Council. A strategic approach to resilience in the EU's external action // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_-_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf (дата обращения: 22.09.2019).*

¹⁵ *European Commission. Communication — Tackling online disinformation: a European Approach. Brussels, April. COM(2018) 236 final. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-236-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (дата обращения: 03.08.2019).*

Параллельно ЕС запустил платформы проверки фактов (например, Social Observatory for Disinformation and Social Media Analysis). СМИ повысили стандарты качества и открыли некоторые алгоритмы [6]. Важным шагом стал Кодекс практики¹⁶, подписанный в том числе Facebook, Google и призванный повысить прозрачность рекламных кампаний и информации. Онлайн-платформы выступают с дополнительными инициативами (например, Facebook создает сервис по определению «правдивой информации», предоставляет возможность жаловаться на фейковые аккаунты, мультиплицирующие дезинформацию). Платформы также разработали правила для политического контента, нарушение которых ведет к блокировке аккаунта. С 2019 года они ежемесячно предоставляют ЕК отчет о результатах деятельности.

Во всех этих действиях нужно отметить понимание невозможности на уровне институтов власти предотвратить соответствующие угрозы. Это ведет к передаче части ответственности гражданам, а также к поощрению официальными структурами низовых практик, к самоорганизации граждан. При этом официальные структуры определяют опорные точки, пытаются способствовать стрессоустойчивости общества. Подход основан на важности либеральных свобод, в том числе альтернативной точки зрения, и на способности личности осознанно сделать выбор¹⁷. Постулируется не консервация, а постоянное развитие общества и власти. В целом данный подход соответствует адаптивной парадигме и аутопоэзисной стрессоустойчивости.

Подход Евросоюза №2.

Фейковые новости и вмешательство органов власти

В ЕС существует и альтернативный подход к обеспечению стрессоустойчивости к дезинформации. В 2015 году был подготовлен «План действий по стратегической коммуникации», основанный на активном противодействии неприемлемой информации¹⁸. Первичной территорией его приложения стал регион Восточного партнерства. Автором документа также выступила ЕК. План прописал не только рассмотренные в предыдущем разделе пути, но и активное участие официальных структур в предотвращении дезинформации.

Однако продвинул этот подход прежде всего ЕП, в его резолюции 2016 года выделена «насущная необходимость обеспечить стрессоустойчивость информационной системы на уровне ЕС и стран-членов...»¹⁹ А резолюция 2017 года поручает ЕК анализ существующей нормативной базы с целью «юридических интервенций, призванных предотвратить распространение фейкового контента»²⁰. Такие шаги предполагают следование патерналистской парадигме.

¹⁶ European Commission. Code of Practice on disinformation and digital single market. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/code-practice-disinformation> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁷ European Commission. Online disinformation: a major challenge for Europe (blog post). URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/blogposts/online-disinformation-major-challenge-europe> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁸ European Commission. Action plan on strategic communication. URL: <http://archive.eap-csf.eu/assets/files/Action%20Plan.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁹ European Parliament. Resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8—2016—0441_EN.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

²⁰ European Parliament. Resolution of 15 June 2017 on online platforms and the digital single market (2016/2276(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8—2017—0272_EN.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

В этом контексте и возникла группа Стратком, которая «развивает коммуникационные продукты и кампании, поясняющие политику ЕС», «устанавливает тренды российской дезинформации и исправляет ее»²¹. На практике это предполагает регулярные обзоры по дезинформации, куда включаются и искажения данных, и высказываемые в СМИ мнения, и пристрастные обобщения.

Работа Страткома также связывается со стрессоустойчивостью ЕС. Например, на ее сайте есть обучающие материалы по распознаванию *прокремлевской* дезинформации. Один из ее сотрудников, рассуждая о своей деятельности, сказал, что Стратком способствует стрессоустойчивости граждан ЕС, поскольку они «вакцинируются» против российской информации²². В результате происходит стигматизация России путем создания прочной связи между ней и ФН, доверие к исходящей от Москвы информации уничтожается.

Этот подход не столько учит граждан самостоятельному выбору, сколько программирует их решения. Иными словами, можно констатировать патерналистскую попытку оградить граждан, отказ доверять их критическому мышлению. Интересно, что сайт Страткома ведется, главным образом, на английском и русском языках, что позволяет охватить наиболее подверженное российскому влиянию население в ЕС — русскоязычное, а также страны постсоветского пространства.

Действия Страткома вызывают дискуссии в ЕС. Самый яркий пример — обращение к омбудсмену, подчеркивающее отсутствие критериев, по которым информация объявляется ложной, а ее источник заносится в «черный» список. В обращении также отмечается, что эти действия нарушают свободу самовыражения [21].

Таким образом, второй подход Евросоюза к дезинформации / ФН как угрозе стрессоустойчивости предполагает сочетание адаптивной и патерналистской парадигм. Циркуляция информации не ограничивается, но органы власти активно опровергают часть данных. При этом четко определяется источник дезинформации (Россия), а новостные потоки, исходящие оттуда, стигматизируются. Крен в сторону патернализма программирует недоверие граждан к России. Это можно ассоциировать с гомеостатичной трактовкой стрессоустойчивости, характерной для инженерных наук.

Подход Литвы: «пропаганда» как патерналистское отрицание стрессоустойчивости

Литовский подход предполагает активное предупреждение угрозы, классифицируемой как «пропаганда», на государственном уровне. В Белой книге политики обороны предложены три направления действий: 1) наблюдение и анализ информационного пространства с выделением тем, которые стали целями атак; 2) просветительская деятельность среди граждан; 3) сотрудничество с институтами ЕС, НАТО и их членами²³. По утверждению литовских политиков, Литва более других стран ЕС испытывает нарастающее и дестабилизирующее воздействие дезинформации России²⁴.

²¹ European External Action Service. Questions and Answers about the East StratCom Task Force. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/2116/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (дата обращения: 03.08.2019).

²² Авторское интервью с чиновником ЕСВС, 4 октября 2018.

²³ Krašto apsaugos ministerija. Lietuvos gynybos politikos Baltoji knyga.

²⁴ См., напр., Paulauskas A. Rusijos propagandos mašina Lietuvoje finansuojama pažeidžiant įstatymus // 15 min. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/a-paulauskas-rusijos-propaganda-dos-masina-lietuvoje-finansuojama-pazeidziant-istatymus-56-552679> (дата обращения: 03.08.2019).

На основании закона об информировании общества²⁵ действует Комиссия по радио и телевидению, наделенная правом запрещать кабельную трансляцию российских каналов и ограничивать доступ к интернет-ресурсам. В январе 2019 года список нежелательной информации был расширен (в том числе за счет контента, в котором «искажается историческая память Литвы, развивается недоверие и недовольство государством... есть стремление укрепить национальное и культурное разделение, ослабить национальную самобытность и гражданственность»²⁶). Еще одна мера борьбы с «российской пропагандой» — внесение имен носителей альтернативного мнения в ежегодный отчет Департамента госбезопасности²⁷.

Литовский подход к противодействию информационной угрозе стрессоустойчивости заключается и в создании негативной репутации российских СМИ, и в блокировке информации, исходящей от них. Соответственно трактуются и пути достижения стрессоустойчивости. В Стратегии национальной безопасности²⁸ она упоминается четыре раза, три из которых относятся к противодействию пропаганде извне. Показательно также, что стрессоустойчивость в литовских документах связана с противодействием именно российской угрозе. Министр иностранных дел Литвы Л. Линкявичус даже заявил, что «стрессоустойчивость к российской пропаганде должна быть нашим приоритетом»²⁹.

Наконец, в сентябре 2018 года была создана англоязычная платформа Debunk.eu («разоблачение»), куда граждане на добровольной основе могут присылать материалы. По замыслу организаторов, инициатива нацелена именно на повышение стрессоустойчивости общества. Однако примечательны целенаправленность инициативы (ищется негатив, исходящий от России) и активное участие чиновников министерств обороны и иностранных дел³⁰.

Интересны также высказывания депутатов Сейма. Например, Л. Кашунас утверждает, что Запад «не понимает генезиса нынешней информационной войны... Абсолютная свобода слова может привести к хаосу, контролируемому снаружи. Особенно если у общества нет навыков критического мышления, информационной грамотности и т.д.»³¹. Он также предлагает запрещать информацию, «которая исходит от других стран или их субъектов или несет угрозу интересам национальной

²⁵ Lietuvos Respublikos visuomenės informavimo įstatymas 1996 m. liepos 2 d. Nr. I-1418 Vilnius. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.065AB8483E1E/KambyVXeSS> (дата обращения: 03.08.2019).

²⁶ Lietuvos Respublikos visuomenės informavimo įstatymo nr. I-1418 19, 31, 34¹, 48 straipsnių ir priedo pakeitimo įstatymas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/3b843be00e5d11e98a758703636ea610> (дата обращения: 03.08.2019).

²⁷ Bendras VSD ir AOTD 2018 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ Lietuvos Respublikos užsienio reikalų ministerija. L. Linkevičius: atsparumas Rusijos propagandai turi būti mūsų prioritetas. URL: <https://www.urm.lt/default/lt/naujienos/l-linkevicius-atsparumas-propagandai-turi-buti-musu-prioritetas> (дата обращения: 03.08.2019).

³⁰ Debunk. URL: <https://debunk.eu/about-debunk/> (дата обращения: 03.08.2019).

³¹ Амелюшкин К. «Запрещать Достоевского — это, конечно, абсурд». Лауринас Кашунас обещает стоять на страже инфобезопасности Литвы // Delfi.lt. 2018. URL: https://ru.delfi.lt/news/politics/zapreschat-dostoevskogo-eto-konechno-absurd-laurinas-kaschyunas-obeschaet-stoyat-na-strazhe-infobezopasnosti-lityv.d?id=78675143&fbclid=IwAR1yfaXezjbyCQ66U8NioIoguUDZZGF-EbLHW4mpemKqiXQni2_BAT7YqM (дата обращения: 03.08.2019).

безопасности»³². Ж. Павилионис считает, что необходимо ограничить время эфира для представителей России, отмечая, что «Кремль уделяет особое внимание промыванию сердец и мозгов жителей нашей страны»³³.

Подход Литвы — это иллюстрация патерналистской парадигмы, доведенной до крайности. Она направлена на то, чтобы на государственном уровне оградить граждан от российского информационного потока (классифицируемого как пропаганда), и основана на фундаментальном недоверии гражданам. Государственные институты патерналистски защищают своих граждан от реальных или мнимых угроз. Логично, что основной акцент сделан на запретительные меры, а не на обучение граждан. Общество и бизнес играют малозаметную роль в противодействии информационной угрозе. В результате потенциально ставятся под вопрос либеральные ценности, продвигаемые ЕС. Страдает и динамичность, на первый план выходит гомеостатичная стрессоустойчивость, характерная для точных наук. При этом подход Литвы — не исключение для ЕС [22].

Три подхода к дезинформации в сравнительном разрезе

Нами были выделены три подхода к противодействию информационной угрозе стрессоустойчивости. Первый основан на адаптивной парадигме и аутопозитивной стрессоустойчивости. Второй содержит значительный компонент патернализма и сдвигается к гомеостатичной интерпретации стрессоустойчивости. Наконец, в третьем патерналистская парадигма и гомеостатичная стрессоустойчивость доминируют. По мере продвижения ко второму и третьему подходам объемы действий институтов власти возрастают, доверие к гражданам и их способности к критическому мышлению падает, а опасность нарушения прав на свободу слова и информации усиливается. В таблице суммированы полученные результаты.

Подходы ЕС к дезинформации как угрозе стрессоустойчивости

Подход	Предпочитаемые термины	Органы власти	Бизнес	Общество
Подход 1 (ЕС — ЕК)	Дезинформация	Модератор, отдает инициативу бизнесу и обществу	Формирует практики на основе рекомендаций властных структур	Играет ключевую роль в противодействии дезинформации на индивидуальной основе
Подход 2 (ЕС — ЕСВС)	ФН и дезинформация	Определяют ФН и стигматизируют СМИ отдельных стран	Не играет заметной роли	Потребляет предложенный государственными властями контент, но имеет доступ к альтернативному
Подход 3 (Литва)	Пропаганда	Доминируют и активно используют запретительные меры. Подменяют добровольные инициативы государственными	Выполняет законодательные решения запретительного характера	Потребляет предложенный органами власти контент, доступ к альтернативе ограничен

³² *Kasčiūnas L.* Kova su dezinformacija neturi riboti žodžio laisvės // Tėvynės sąjunga-Lietuvos krikščionys demokratai. URL: <https://tsajunga.lt/aktualijos/kova-su-dezinformacija-neturi-riboti-zodzio-laisves/> (дата обращения: 03.08.2019).

³³ *Ž. Pavilionis:* demokratiją niekinančią rusišką produkciją Kremlius duoda dykai // *diena.lt* новостной портал. URL: <https://www.diena.lt/naujienos/pasaulis/ekonomika-ir-politika/z-pavilionis-demokratija-niekinancia-rusiska-produkcija-kremlius-duoda-dykai-804280> (дата обращения: 03.08.2019).

Сравнение подходов к борьбе с дезинформацией для обеспечения стрессоустойчивости ЕС заставляет задуматься о причинах различий в подходах к информационной угрозе и трактовке стрессоустойчивости. Корни расхождений — тема отдельного исследования, но попытаемся наметить контуры.

Подходы, пропагандируемые ЕК и ЕСВС, могут различаться в связи со сферами их деятельности. ЕК традиционно концентрируется на экономических вопросах и процессах внутри ЕС. Это способствует большему делегированию ответственности бизнесу и гражданам. ЕСВС же ориентирован на внешнюю арену, четче артикулирует проблему внешней угрозы и необходимость противодействия ей. Более того, целью ЕСВС в борьбе с дезинформацией является защита граждан не только ЕС, но и стран-соседей.

Различия в позициях стран-членов и ЕС в целом в отношении России неоднократно становились предметом рассмотрения в научной литературе. Наиболее часто в качестве причин этих различий отмечают историческое прошлое, а также географическую близость и степень экономической зависимости [23, р. 146—168; 27]. Особое внимание уделяют травмирующему прошлому стран Балтии [24], а также их опасениям, «связанным с угрозой целостности государств со стороны [русскоязычных] нацменьшинств» [25]. Упомянуты также такие осложняющие факторы, как социальное неравенство, слабая экономика, миграция, безработица [26, р. 62—63].

Наконец, литовский политолог Э. Некрашас справедливо отмечает, что Литва сама выбрала Россию в качестве главного объекта критики. Критикуя ее, Литва становится больше заметна и приобретает ясную миссию — быть лидером региона, как во времена Великого княжества Литовского [28].

Заключение

Наш анализ продемонстрировал отсутствие в ЕС единого понимания того, как обеспечить стрессоустойчивость в отношении информационной угрозы. В статье выделены три подхода.

Первый продвигает ЕК, предпочитающая термин «дезинформация». Он предполагает обучение граждан, развитие их критического мышления при сохранении полной свободы слова и доступа к информации. Возникает равное партнерство официальных структур, бизнеса и граждан. Этот подход наиболее полно соответствует неолиберальной природе ЕС (в том числе пропагандируемым им ценностям). Интересно также, что искажение информации прямо не связывается с Россией. Этот подход наиболее полно соответствует современным трактовкам стрессоустойчивости в социальных науках и основан на адаптивной парадигме работы с дезинформацией.

Второй подход заключается в противодействии ФН (главным образом, из России). Здесь свои действия институты ЕС также связывают со стрессоустойчивостью, но ее трактовка более статична. Этот вариант продвигают ЕСВС (особенно Стратком) и ЕП. В нем явно появляются элементы патернализма, искажается свобода слова и информации. Стигматизируется ряд СМИ. Однако никакая информация не запрещается, соблюдается право на личные свободы. Это сдвиг в сторону патернализма, поскольку действия граждан минимизируются, а институты власти стремятся определять, что правильно, а что является источником лжи.

Наконец, третий подход проиллюстрирован на примере Литвы. Здесь информация, исходящая от официальной России или ее СМИ, почти автоматически квалифицируется как пропаганда, блокируются соответствующие ресурсы, отдельные лица сталкиваются с преследованием. Эти меры официальная Литва классифицирует как повышение стрессоустойчивости, но они соответствуют крайне гомеостатичному прочтению стрессоустойчивости, характерному для инженерных и точ-

ных наук. Доминируют запретительные меры органов власти, а общество и бизнес должны соблюдать установленные правила. Даже попытки внедрить добровольные практики (выявление дезинформации) подменяются действиями госструктур.

Адаптивная парадигма работы с дезинформацией и аутопоэзисная стрессоустойчивость требуют серьезного делегирования ответственности гражданам и трансформации властных структур, но дают гибкость реагирования на современные вызовы (в том числе в области информации). Патерналистская парадигма и гомеостатичная стрессоустойчивость могут казаться более надежными и легче достижимыми, но формируют закостенелость в работе с неопределенными угрозами.

Обеспокоенность ЕС дезинформацией и желание укрепить стрессоустойчивость будут сохраняться. Какой подход к информационной угрозе и стрессоустойчивости возобладает, пока остается вопросом. Термин же «стрессоустойчивость» лишь маскирует плюрализм в подходах ЕС к борьбе с информационной угрозой (да и с некоторыми другими) сегодня.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

Список литературы

1. *The Routledge Handbook of International Resilience* / Chandler D., Coaffee J. (eds.). Routledge, 2017.
2. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
3. Van Dijk T. Principles of critical discourse analysis // *Discourse and society*. 1993. Vol. 4, № 2. P. 249—283.
4. Fairclough N. *Critical discourse: the critical study of language*. L. ; N.Y. 1995.
5. Martens B., Aguiar L., Gomez-Herrera E., Mueller-Langer F. The digital transformation of news media and the rise of disinformation and fake news — An economic perspective; Digital Economy Working Paper 2018—02; JRC Technical Reports. Seville. 2018. URL: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/dewp_201802_digital_transformation_of_news_media_and_the_rise_of_fake_news_final_180418.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
6. High Level Expert Group. A multi-dimensional approach to disinformation. Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation. Brussels, 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-report-high-level-expert-group-fake-news-and-online-disinformation> (дата обращения: 03.08.2018).
7. Dworkin G. Paternalism // *The Monist*. 1972. Vol. 56, № 1. P. 64—84. doi: 10.5840/monist197256119.
8. Baade B. Fake News and International Law // *European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29, № 4. P.1357—1376. doi: 10.1093/ejil/chy071.
9. Yatid M.M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation // *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*. 2019. Vol. 2, № 2. P. 203—230. doi: 10.22146/ikat.v2i2.40482.
10. Lazer D.M.J. et al. The science of fake news // *Science*. 2019. Vol. 359, № 6380. P. 1094—1096. doi: 10.1126/science.aao2998.
11. Morgan S. Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy // *Journal of Cyber Policy*. 2018. Vol. 3, № 1. P. 39—43. doi: 10.1080/23738871.2018.1462395.
12. Niklewicz K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation. Brussels, 2017.
13. Burkhardt J.M. Combating fake news in the digital age // *Library Technology Reports*. 2017. Vol. 53, № 8.
14. Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-fake News Approaches // *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, № 1. P. 1—5. doi: 10.1017/err.2018.12.
15. Levi L. Real fake news and fake fake news // *First Amendment Law Review*. 2018. Vol. 16. P. 223—327.

16. *Bourbeau P.A.* Resilience, Security and World Politics // D. Chandler, J. Coaffee (eds.). The Routledge Handbook of International Resilience. L., 2017.
17. *Bourbeau P.A.* Genealogy of Resilience // International Political Sociology. 2018. Vol. 12, № 1. P. 19—35.
18. *Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4, № 1. P. 1—23.
19. *Joseph J.* Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge University Press, 2018.
20. *Tocci N.* Framing the EU Global Strategy: A stronger Europe in a fragile world. Palgrave Studies in European Union Politics, 2017.
21. *Alemano A., Brogi J., Fisher-Zernin M., Morrow P.* Is the EU Disinformation Review compliant with EU Law? Complaint to the European Ombudsman about the EU anti-fake news initiative. P., 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3151424 (дата обращения: 03.08.2019).
22. *Kremlin Watch Team.* 2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations. Prague: European Values Protecting Freedom. Prague, 2018. URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).
23. *David M., Gower J., Hakkala H.* National perspectives on Russia: European foreign policy in the making? Abingdon, 2013.
24. *Kerikmäe T., Chochia A., Atallah M.* The Baltic States in the European Union // Oxford Research Encyclopedia of Politics. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.186.
25. *Gill G.* Nationalism and the Transition to Democracy: The Post-Soviet Experience // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2016. Vol. 14, № 4. P. 613—626. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/db29/48af30d4c0dc3bdbb6f6e33dd5c6ab8e5121.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).
26. *Berzins J.* Russian New Generation Warfare is not Hybrid Warfare // The War in Ukraine: Lessons for Europe / A. Pabriks, A. Kudors (eds.). Riga, 2015.
27. *Leonard M., Popescu N.* A Power Audit of EU-Russian Relations. L., 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
28. *Nekrašas E.* Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką. Politologija. 2009. Vol. 54, № 2. P. 123—142. doi: 10.15388/Polit.2009.2.8412.

Об авторах

Татьяна Алексеевна Романова, кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: t.romanova@spbu.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

Николай Игоревич Соколов, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: nikolaj.sokolov@me.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9699-7890>

Юрий Юрьевич Колотаев, стажер-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

DISINFORMATION (FAKE NEWS, PROPAGANDA) AS A THREAT TO RESILIENCE: APPROACHES USED IN THE EU AND ITS MEMBER STATE LITHUANIA

T. A. Romanova

N. I. Sokolov

Y. Y. Kolotaev

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 22 April 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4
© Romanova T. A., Sokolov N. I.,
Kolotaev Y. Y., 2020

This study analyses EU and Lithuanian documents on countering disinformation/fake news to present the plurality of the Union's approaches to ensuring resilience. Currently, there are three approaches to the problem in the EU. The first one, used by the European Commission, is the recognition of citizens' right to information as well as of the need to promote critical thinking and information literacy. This approach fits into the adaptive paradigm of action in the information space and the concept of autopoietic resilience. The second approach, taken by the European External Action Service, is to expose fake news and the media spreading it. In combining adaptive and paternalistic paradigms of action in the information space, this approach employs a more static interpretation of resilience. Lithuania has adopted a third approach, which is dominated by the paternalistic paradigm and homeostatic resilience. This approach consists of the state isolating citizens from certain information. Thus, the popular use of the term 'resilience' in the EU disguises the plurality of approaches to both disinformation and resilience itself. Theoretically, this study draws on the concept of resilience and paradigms for countering disinformation/fake news. Methodologically, it relies on critical discourse analysis. The article suggests several possible causes of intra-EU differences in countering disinformation/fake news/propaganda and interpreting resilience

Keywords:

European Union, Lithuania, resilience, fake news, propaganda, disinformation

References

1. Chandler, D., Coaffee, J. 2017, *The Routledge Handbook of International Resilience*, Routledge.
2. Jorgensen, M. Phillips, L. 2008, *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Kharkiv, 350 p. (In Russ.).
3. Van Dijk, T. 1993, Principles of critical discourse analysis, *Discourse and society*, vol 4, no. 2, p. 249–283. doi: 10.1177/0957926593004002006.
4. Fairclough, N. 1995, *Critical discourse: the critical study of language*. London. and New York, Longman, 265 p.
5. Martens, B., Aguiar, L., Gomez-Herrera, E., Mueller-Langer, F. 2018, The digital transformation of news media and the rise of disinformation and fake news — An economic perspective, *Digital Economy Working Paper*, 2018–02, JRC Technical Reports, Seville, available at: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/dewp_201802_digital_transformation_of_news_media_and_the_rise_of_fake_news_final_180418.pdf (accessed 03.08.2019).

To cite this article: Romanova, T. A., Sokolov, N. I., Kolotaev, Y. Y. 2020, Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 53–67. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-4.

6. High Level Expert Group, 2018, *A multi-dimensional approach to disinformation. Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation*, Brussels, available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-report-high-level-expert-group-fake-news-and-online-disinformation> (accessed 03.08.2018).
7. Dworkin, G. 1972, Paternalism, *The Monist*, vol. 56, no.1, p. 64—84. doi: 5840/monist197256119.
8. Baade, B. 2018, Fake News and International Law, *European Journal of International Law*, vol. 29, no. 4, p.1357—1376. doi: 10.1093/ejil/chy071.
9. Yatid, M.M. 2019, Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation, *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*, vol. 2, no.2, p. 203—230. doi: 22146/ikat.v2i2.40482.
10. Lazer, D.M.J. et al. 2018, The science of fake news, *Science*, vol. 359, no. 6380, p. 1094—1096. doi: 10.1126/science.aao2998.
11. Morgan, S. 2018, Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy, *Journal of Cyber Policy*, vol. 3, no.1, p. 39—43. doi: 10.1080/23738871.2018.1462395.
12. Niklewicz, K. 2017, *Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation*, Brussels, Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017.
13. Burkhardt, J.M. 2017, Combating fake news in the digital age, *Library Technology Reports*, vol. 53, no. 8, Chicago, ALA TechSource.
14. Alemanno, A. 2018, How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-fake News Approaches, *European Journal of Risk Regulation*, vol. 9, no. 1, p. 1—5. doi: 10.1017/err.2018.12.
15. Levi, L. 2018, Real fake news and fake fake news, *First Amendment Law Review*, vol. 16, p. 223—327.
16. Bourbeau, P. 2017, Resilience, Security and World Politics. In: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *The Routledge Handbook of International Resilience*, Routledge.
17. Bourbeau, P.A. 2018, Genealogy of Resilience, *International Political Sociology*, vol.12, no. 1, p. 19—35. doi: 10.1093/ips/olx026.
18. Holling C.S. 1973, Resilience and Stability of Ecological Systems, *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, no. 1, p. 1—23.
19. Joseph, J. 2018, *Varieties of Resilience: Studies in Governmentality*, Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316551028.
20. Tocci, N. 2017, Framing the EU Global Strategy: A stronger Europe in a fragile world, *Palgrave Studies in European Union Politics*, p. 168.
21. Alemanno, A., Brogi, J., Fisher-Zernin, M., Morrow, P. 2018, Public interest clinic Is the EU Disinformation Review compliant with EU Law? In: *Complaint to the European Ombudsman about the EU anti-fake news initiative*, Paris, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3151424 (accessed 03.08.2019).
22. Kremlin Watch Team, 2018, *Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations*, Prague, European Values Protecting Freedom, 2018, available at: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf> (accessed 03.08.2019).
23. David, M., Gower, J., Haukkala, H. (eds.) 2013, *National perspectives on Russia: European foreign policy in the making?* Abingdon, Routledge.
24. Kerikmäe, T., Chochia, A., Atallah, M. 2018, The Baltic States in the European Union, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. doi:10.1093/acrefore/9780190228637.013.186.
25. Gill, G. 2016, Nationalism and the Transition to Democracy: The Post-Soviet Experience, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 14, no. 4, p. 613—626, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/db29/48af30d4c0dc3bdbb6f6e33dd5c6ab8e5121.pdf> (accessed 03.08.2019).
26. Berzinš, J. 2015, Russian New Generation Warfare is not Hybrid Warfare. In: Pabriks, A., Kudors, A. (eds.) *The War in Ukraine: Lessons for Europe*, The Centre for East European Policy Studies University of Latvia Press, Riga.
27. Leonard, M., Popescu, N. 2007, *A Power Audit of EU-Russian Relations*. London: ECFR, available at: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf (accessed 03.08.2019).
28. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką, *Politologija*, vol 54, no 2, p. 123—142. doi: 10.15388/Polit.2009.2.8412.

The authors

Dr Tatiana A. Romanova, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: t.romanova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

Nikolay I. Sokolov, PhD student, Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: nikolaj.sokolov@me.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9699-7890>

Yury Y. Kolotaev, Junior Researcher, Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: yury.kolotaev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>
